Мифологические и исторические имена в сатирах А.Д. Кантемира

© *О.Л. ДОВГИЙ,*
кандидат филологических наук

Статья представляет собой вторую часть исследования автора об ономастиконе сатир и посвящена системе мифологических и исторических имен. В процессе анализа выявлены основные функции мифологического и исторического кодов в ономастике сатир и их роль в реализации авторского замысла.

Ключевые слова: *А.Д. Кантемир*, *сатиры*, *система имен*, *имена мифологические*, *имена исторические*.

DOI: 10.31857/S013161170001622-3

The paper presents the second part of author's study of satires' onomasticon and is devoted to the system of mythological and historical names. In the process of analysis, the main functions of the mythological and historical codes in the onomastics of satires and their role in the realization of author's conception are revealed.

Keywords: *A. Cantemir*, *satires*, *system of names*, *myphological names*, *historical names*.

Вторая часть дилогии об ономастике сатир Кантемира [1] посвящена именам мифологическим, историческим (западноевропейским и русским), библейским. Число таких имен в сатирах очень велико [2]. Одни знакомы всем, другие требуют специального разъяснения. Органической частью сатир являются комментарии Кантемира, где он дает подробные пояснения о большинстве встречающихся в сатирах имен.

Античные и славянские боги, герои, исторические лица, хотя и являются внесценическими, существуют в сатирах не изолированно; они постоянно включаются в сюжет, начинают весьма своеобразно участвовать в жизни персонажей. Все носители мифологических и исторических имен используются Кантемиром для сравнения с персонажами сатир — либо возвышающего, либо принижающего. Как мы увидим далее, главным оказывается прием «превзойденного образца», на котором в большой степени основан иронический тон, преобладающий в сатирах.

Имена мифологические

Это самая большая группа интересующих нас имен. В небольшой статье мы коснемся лишь некоторых.

Аполлон

У него несколько имен – и они отражены в примечаниях: «Аполлин. Сын Юпитера и Латоны, брат Дианы, у древних за бога наук и начальника муз почитан» [С. 62]; «Фебус. То ж, что Аполлон, бог наук. У древних всегда красным молодцем изображается» [С. 302]; «Белокурый бог. Аполлин, с итальянского il biondo Nume» [С. 275].

В первой сатире Аполлон ищет поддержки у Петра II: «Аполлин славы в нем защиту / Своей не слабу почул, чтяща свою свиту...» [С. 57]. Это возвышающее сравнение, необходимое возвеличивание правящего монарха. «Сим стихом стихотворец припоминает великодушие монарха к учителям, которые на его величества иждивении тщатся приумножить науки и ученых людей», — поясняет Кантемир в примечании [С. 63].

А в шестой сатире Кантемир заставляет Аполлона завидовать богатству и блеску выбившегося в новую знать персонажа, что помогает создать яркий сатирический образ: «И сам Аполлон, тебя как в улице видит, / Свите твоей и возку твоему завидит...» [С. 149].

В «Словоприношении к императрице Елисавете Первой» Аполлон, под именем «белокурого бога», наказывает неумелого стихотворца, отважившегося воспевать монархиню: «Трижды я лиру снастил и дрожащи персты / Трижды на струны навел, и уста отверзты / Готовили тебе песнь; трижды, разделяя / Быстро воздух, прилетел из вышнего края / Небес

белокурый бог, обличил отвагу / Мою с гневом; изодрав струны, лиру нагу / Вырвал из рук, изломал и стиснул мне губы...» [С. 274].

Венера

В примечании Кантемир сообщает: «...Венера, по баснословию многобожцев, была богиня рождения, похоти и красоты, мать Купида – бога любви. Сказывают про нее, что родилася из морской пены» [С. 152].

В шестой сатире богиня красоты возникает в ироническом контексте: «Хоть ты помнишь, как отец носил кафтан серой; / Кривую жену его называть Венерой...» [С. 148]. Это пассаж из рассказа о тяжелой жизни охотника за чинами. Ему приходится жить в атмосфере постоянной лжи и лести: и делать вид, что верит откровенному вранью, и грубо льстить самому. Ирония рифмы («серой – Венерой») усиливается от контакта цветового эпитета «серый» с определением физической ущербности «кривой» и всего этого неблаголепия с богиней красоты. Контекстуально получается серая кривая Венера – и это действительно смешно.

Выше мы упоминали иронический мотив зависти Аполлона. В «Словоприношении императрице Елисавете Первой» возникает мотив зависти Венеры: «Елисавету сердца на престол возводят, / И пусть, оставя Олимп, ей уж служить сходят / Веселие, и Любовь, и три Благодати; / Видя ее, с зависти плачет любве мати...» [С. 274] Кантемир дает такое примечание: «Венера, матерь любви, богиня красоты, плачет с зависти, видя красоту лица *императрицына*» [С. 275].

В данном случае Венера выступает в роли превзойденного образца — причем никакого намерения придавать иронический колорит у автора здесь, разумеется, не было.

Нептун

«Нептун, брат Юпитера и Плутона, сын же Сатурна, есть (по баснословию древних) бог, который водами морскими владеет», — объясняет Кантемир [С. 507].

«Победил ли сам враги? дал пользу народу? / Устрашил ли действами Нептуна власть – воду?» — вопрошает Филарет своего приятеля Евгения [С. 372]. Здесь уже знакомый нам прием превосходства над образцом, причем вопрос чисто риторический: Евгений испытания, разумеется, не выдерживает: устрашить страшного морского бога ему не под силу.

Но мы приводим этот пример ради иллюстрации еще одного частого в сатирах способа обращения с мифологическими именами — использования их в составе перифрастического оборота. «Нептунова власть» действует на слушателя сильнее, чем просто «вода».

Пример из той же серии — «поле Венерино» (любовь): «...ин себя прославил / Изнуренными силы в Венерином поле...» [С. 402].

Бахус

В пятой сатире персонаж с мифологическим именем Сатир оказывается не внесценическим, а самым активным участником и комментатором действия. Отметим, что имя изначально несобственное (сатиры — это мифологический лесной народ) превращается практически в собственное и выносится в заглавие сатиры: «Сатир и Периерг». Глазами этого лесного жителя дана остраненная картина «пьяного города» [3]. Среди ярких описаний бесчинств есть и такие строки: «Шатаясь долго, один напоследок бьется, / Бахусом отягощен, в стену головою...» [С. 124].

Не надеясь, что все читатели столь же сведущи в мифологии, как лесной сатир, Кантемир дает примечание: «Бахусом отягощен. Вином, пьянством отягощен. Бахус, Юпитеров сын, у баснословцев за бога винограда и пьянства почитается» [С. 140]. Это пример метонимического замещения сферы действия именем бога: не вином, а Бахусом.

Перун

В речи Филарета среди греко-римского пантеона встречается и имя славянского божества. Перун нужен Филарету для иллюстрации достоинств искусного воеводы: «Не спешит дело начать; начав, производит / Смело и скоро – не столь бегло Перун сходит, / Страшно гремя...» [С. 73] Перун, как и его античные собратья, оказывается в позиции превзойденного образца. Но в данном случае сравнение возвышающее: умелый военачальник превосходит в быстроте и ловкости самого громовержца.

Елена

В примечании Кантемир дает о ней такую информацию: «Парис, сын Приама, царя троянского, послан от отца во Грецию, принят весьма ласково от царя греческого Менелая. Пребывая в его доме, столь он жестоко влюбился в Елену, Менелаеву жену, что, презирая всякое право гостеприимства, похитил и увез ее в свое отечество, отчего зачалася славная троянская война, которою царство Троянское опровержено. Красота Еленина была отменная, однако ж похлебник Трофим предпочитает ей красоту Титовой жены» [С. 107].

Кантемир высмеивает нехитрую тактику бесстыдного льстеца Трофима из третьей сатиры: выбирается самый высокий образец для сравнения (прекрасная Елена), а жена человека, которому льстец поет хвалу, объявляется еще более прекрасной: «Если б Титова жена Парису знакома / Была, – Менелаева пряла б пряжу дома...» [С. 97]. Интересно, что льстец не называет по имени ни одну из сравниваемых женщин: они просто жены своих мужей: «Менелаева» и «Титова». Эта очень грубо сработанная лесть действует безотказно.

Хотя если судить беспристрастно — это ровно та же риторическая стратегия, что и в описанной выше зависти Венеры императрице, все тот же прием «посрамления образца». Получается, что и для хвалы, и для хулы

применяются одни и те же риторические приемы — дело в воле оратора и в его общем замысле.

Ектор, Ахилл

Из примечаний Кантемира читатель узнает следующее: «Ахилл, сын Пелея и Фетиды, был храбрый князь греческий. На троянскую войну от отца с войском послан, многие свыше меры мужества знаки показал. Ектора, сына Приама, царя троянского, Еленина же брата, за которую война взгорелася, убил и греков всех почти сам один спас от рук троянских. Ектор по Ахилле был знаменитейший мужеством в помянутой троянской войне» [С. 79].

Во второй сатире Филарет приводит этих героев в пример дворянину Евгению, удрученному тем, что его, потомка древнего рода, обошли наградой: «Не завистлив, ласков, прав, не гневлив, беззлобен, / Веришь ли, что всяк тебе человек подобен? / Изрядно можешь сказать, что ты благороден, / Можешь счесться Ектору или Ахиллу сроден...» [С. 70]. Это возвышающее сравнение имеет ярко выраженную дидактическую цель: примером античных героев Филарет пытается направить Евгения на путь служения отечеству полезными делами.

Нарцисс

«Нарцисс, по баснословию древних, был сын реки Цефица и нимфы Лириопеи, столь красивый, что все в него влюблывалися. В жаркие летние дни приклонився он в колодезю напиться и увидел себя, и сам в себя влюбился, но, узнав, что сам собою свою похоть исполнить не может, с печали умер», — поясняет Кантемир в примечании [С. 82].

Во второй сатире Нарциссу уподобляется самовлюбленный модник Евгений, который не может наглядеться на себя в зеркало: «...ты сам, новый Нарцисс, жадно / Глотаешь очми себя...» [С.72]. Это тождество, безусловно, тоже иронического свойства.

Как видим, Филарет активно пользуется мифологическими и историческими именами в дидактических целях; для воздействия на приятеля он пускает в ход риторические стратегии и «кнута» (снижающее, ироническое сравнение), и «пряника» (возвышающие сравнения, ориентацию на высокие образцы), причем материал выбирает самый разнообразный. Увы — все безрезультатно.

Кастор, Поллукс

«Касторов брат был Поллукс; оба (по баснословию древних) дети Юпитеровы (“Гиралдии в истории богов”)», — объясняет Кантемир в примечании [С. 108]. А нужны эти мифологические братья, чтобы возвышающим сравнением проиллюстрировать любимую Кантемирову мысль о том, что все люди разные: «Людей много, и страстей, ей, в людях немало, / К одним то, к другим ино злое да пристало: / Кастор любит лошадей, а брат его – рати; / Подьячий же силится и с голого драти. / Сколько глав – столько мыслей и

охот различных...» [С. 99]. Раз уж два Юпитеровых сына, мифологические Диоскуры, оказались столь различны меж собой — что говорить о простых смертных?

Икар

Во второй сатире Филарет, рассказывая в воспитательных целях Евгению о ловком придворном Клите, бросает фразу, которая может оказаться понятной не всем: «Чтоб крылья, к солнцу подшед, мягки не расплавил...» [С. 76].

В примечаниях Кантемир ее поясняет: «Дедал, афинеец, изобретатель многих дивных механических орудий, заключен быв с сыном своим, Икаром, в лабиринте острова Критского, приделал себе и сыну крылья из перьев и воску и теми оттуду вылетел; но Икар излишно высоко поднялся, жар солнечный растопил воск его крыл, и пал он в море Егейское, которое потому назвалося Икарским. К сей басне относятся слова сатириковы, приуподобляя государя солнцу. Придворные ему близки весьма и потому стеречись должны, чтоб, излишно, как Икар, подымался, не растопились их крылья и не встретили свою гибель» [С. 87].

Пример Икара должен всегда быть в голове людей, стоящих близко к властителям, как предостережение и напоминание об опасности превышения пределов дозволенного.

Имена исторические

Ювенал, Гораций, Буало...

Цитаты из этих поэтов постоянно встречаются в тексте сатир. Тема взаимоотношения Кантемира с образцами огромна и хорошо изучена [4]. В данной статье имена поэтов прошлого важны нам исключительно как часть ономастикона сатир.

Разумеется, Кантемир в примечаниях о каждом сообщает необходимую информацию: «*Ювенала, Персия, Горация*. Славные три римские сатирики. Первый родился лета Христова 36, в 22-е Тибериева царствия, от отца Флакка и матери Фульвии, умер в 31-м году своего возраста. Второй был сын неизвестного отца, жил во время Домициана-императора, от которого сослан в Египет полковником за неприличную любовь с некаким танцовщиком. Третий жил во времена Августовы, у которого за превосходство своего ума был в особливой милости (“Гиралдии, в истории стихотворцев”; Морериев лексикон)» [С. 115]; «Боало Деспро, французский сатирик, родился в 1637 году. В подражании древних стихотворцев весьма удачлив. Сатиры и письма его, нашего стихотворца лучшая забава и предводители, соравняться могут тем, которыми древность хвастает. Лудовик XIV, король французский, насладився его стихами, определил ему по 2000 ливров (400 рублей) жалованья в год, которое получал по самую свою смерть, случившуюся в 1711 году» [С. 115] и т.д.

В тексте сатир эти имена извлекаются из фонда готового слова как материал для сравнений — чаще всего иронических.

Так, в первой сатире Цицерон и Вергилий, по мнению щеголя Медора, проигрывают Рексу и Егору в споре о пользе их деятельности (см.ниже).

В диалоге Автора с Музой в четвертой сатире имена поэтов прошлого возникают в ироническом контексте: «Буде ты указывать смеешь Ювенала, / Персия, Горация, мысля, что как встала / Им от сатир не беда, но многая слава; / Что как того ж Боало причастник был права, / Так уже и мне, что следы их топчу, довлеет / То ж счастье, — позволь сказать, что ум твой шалеет. / Истая Зевсова дочь перо их водила — / Тебя чуть ли не с другим кем Память родила...» [С. 110].

Рекс и Егор

«Егор, славный сапожник в Москве, умерший в 1729 г., а Рекс также славный московский портной, немец», — такое примечание сделал В.А. Жуковский к своей статье «О сатире и сатирах Кантемира» [5].

Рекс появляется в сатирах дважды — оба раза в связи с темой моды.

В первой сатире передана речь четвертого хулителя наук щеголя Медора, где иронически представлен спор образцов из разных областей жизни — материальной и духовной: «Пред Егором двух денег Виргилий не стоит; / Рексу — не Цицерону похвала достоит...[С. 60]. Король портных Рекс (его имя в переводе и означает «король») одерживает победу над королем ораторов Цицероном, а сапожник Егор над Вергилием. Такое удвоенное сравнение еще более усиливает сатирический эффект и не оставляет сомнений в адресате авторских критических стрел.

Второй раз Рекс появится во второй сатире. Филарет, обличая пустоту интересов Евгения, не скупится на иронические сравнения: «Каков рукав должен быть, где клинья уставить, / Где карман, и сколько грудь окружа прибавить; / В лето или осенью, в зиму и весною. / Какую парчу подбить пристойно какою; / Что приличнее нашить: сребро или злато, / И Рексу лучше тебя знать уж трудновато...» [С. 72]. Рекс оказывается посрамленным на своей же территории. Филарет признает, что Евгений в своем знании мод превзошел Рекса, главный авторитет в «искусстве кройки и шитья». Однако все строение фразы — использование союза «и» в функции эмфазы («даже самому Рексу»), шифтер «уж» [6], издевательский суффикс «-оват» в прилагательном («трудновато») рядом с именем Рекса, — свидетельствует об ироническом модусе высказывания.

Иулий и Александр

«Иулий Цесарь, первый римский император, сын Луция Цесаря и Аврелии, Коттовой дочери, в 17-е лето своего возраста получил чин великого священника Юпитерова, потом, чрез чины трибуна, квестора, едилла и великого Понтифекса в консулы происшед, в том чину пять триумфов получил. Одолев Помпея, своего неприятеля, вечным диктатором объявлен, и силою самовластие достал; в сенате внезапно убит, умер 15 марта,

43 лет прежде Христа, пожив 56. Александр Великий, царь македонский, сын Филиппа и Олимпии, Дариев победитель, родился июля 6, 356 лет прежде Христа; умер в Вавилоне, опоен ядом, в 33-е лето своего возраста», — сообщает об этих славных мужах Кантемир [С. 79].

А в тексте сатир они тоже нужны для дидактических целей: все тот же красноречивый Филарет использует их имена для воспитания приятеля: «Иулий и Александр и все мужи славны / Могут быть предки твои, лишь бы тебе нравны...» [С. 70].

Ольга

«Ольга — жена Игоря, сына Рюрикова, первого российского самодержца, так христианской веры в России насадительница, как и распространительница сил и славы сего империя; от святого Владимира, ея внука, в святые вписана и почитается под именем Елены, которое приняла в крещении. Начала царствовать в 950-е лето по рождестве Христове (“Синопсис русской истории”, стр. 37)» — сообщает Кантемир [С. 78].

В тексте второй сатиры имя Ольги выступает как знак, как риторический аргумент в споре Филарета и Евгения.

Евгений упоминает имя как показатель древности своего рода: «Знатны уж предки мои были в царство Ольги / И с тех времен по сих пор в углу не сидели – / Государства лучшими чинами владели» [С. 69].

Филарет немедленно поворачивает аргумент в свою пользу: «Что ж в Дамоне, в Трифоне и Туллие гнусно? / Что, как награждают их, тебе насмерть грустно? / Благонравны те, умны, верность их немала, / Слава наша с трудов их нечто восприяла./ Правда, в царство Ольгино предков их не знали, / Думным и наместником деды не бывали, / И дворянства старостью считаться с тобою / Им нельзя; да что с того? Они ведь собою / Начинают знатный род, как твой род начали / Твои предки, когда Русь греки крестить стали...» [С. 77].

Филарет использует имя Ольги тоже в чисто риторических целях — но не для выделения потомков какого-то рода, а наоборот — для подведения под общее: время Ольги ничем не отличается от любого другого: как в то время начинали свою историю славные семейства, так происходит и в настоящее время. Любая эпоха может стать тоской отсчета для начала славного рода, и потомки нынешних «Дамона и Туллия» смогут говорить, что славны их предки со времен Петра II. Кстати, отметим появление в сатирах столь популярной ныне формулы «новые люди». По определению Кантемира, это «люди, которые из незнати в силу и великие степени пришли».

Владимир

«Владимир начал один царствовать около 982 года по Христе (“Синопсис русской истории”, стр. 54)», — дает объективную информацию Кантемир [С. 152].

А в сатирах Владимир, как и Ольга, нужен тоже как чисто риторический аргумент, как знак древности рода — но в несколько иной тональности. Владимир возникает в шестой сатире при рассказе о тяжелой жизни охотника за чинами, сопряженной с бесконечным враньем: «Нужно часто полыгать, небылицу верить / Большу, чем что скорлупой можно море смерить; / Господскую сносить спесь, признавать, что родом / Моложе Владимира одним только годом, / Хоть ты помнишь, как отец носил кафтан серой...» [С. 148].

Пассаж построен на череде гипербол. Владимир композиционно оказывается в позиции «превышения гиперболы» (после словосочетания «бОльшу, чем скорлупой можно море мерить» — читай: вера в такую древность рода ложь еще большая, чем вера в сказку про скорлупу и море), а отрезвляющее напоминание о сером кафтане отца делает сравнение откровенно ироническим. Лексическое расширение «одним только» должно бы служить знаком достоверности — на деле же наоборот: это перебор.

В следующей строке упоминается кривая жена, которую нужно сравнивать с Венерой (о чем шла речь выше). Как видим, Кантемир привлекает примеры из самых разных областей фонда готового слова для иллюстрации своей мысли. О Владимире лжецу приходится слушать, о Венере говорить самому — и то, и другое одинаково тяжело. Владимир и Венера — русское историческое имя и имя мифологическое — оказываются просто в роли аргументов, фактически в роли контекстуальных синонимов.

Имена библейские

Адам, Ева, Ной, Каин...

Исходя из всего вышесказанного нетрудно догадаться, что библейские имена тоже используются в риторических целях.

Действительно их использует все тот же Филарет — причем в разных вариациях любимой своей (и Кантемировой) мысли о равенстве людей. «Адамлевы чада» — так он называет людской род.

Это выражение Филарет употребляет, рассказывая о достоинствах, которыми должен обладать искусный судья: «За красным судить сукном Адамлевы чада / Иль править достоин тот, кому совесть чиста, / Сердце к сожалению склонно и речиста / Кого деньга одолеть, ни страх, ни надежда / Не сильны...» [С. 74]. Судья должен быть одинаково беспристрастен абсолютно ко всем чадам Адама.

Для подтверждения тезиса о том, что славу роду приносит не древность, а практические дела, тоже привлекаются библейские персонажи: «Адам дворян не родил, но одно с двух чадо / Его сад копал, другой пас блеюще стадо; / Ной в ковчеге с собой спас все себе равных / Простых земледетелей, нравами лишь славных; / От них мы все сплошь пошли, один поранее / Оставя дудку, соху, другой – попозднее...» [С. 77].

«Каин, Адамов сын, был земледетель, а Авель — пастух, так об них говорит Моисей...», — комментирует Кантемир [С. 88].

Для рассказа о том, сколь пагубно излишнее любопытство, лучшего примера, чем изгнание из рая, не придумать: «Но вем и то, что Адам, получив супругу, / Слышал указ, что в раю, гуляя с досугу, / Мог бы от всяких древес, что в раю, вкушати, / Кроме того, что сильно есть знание дати. / Но той когда с сладких уст супруги любезной / Услышал, сколь красив плод и сколь вкус полезной, / Как лицом, так и умом равен богу быти, / Забыв заказ, возжадал, взял плод, смел вкусити. / Тотчас, сколь пагубна сила того древа, / Узнали, да уж поздно: и Адам и Ева / Впали в беды и труды и подпали власти / Смерти, и пленили их многовидны страсти, / И когда всемудрому равны быть искали – / Воспою греховною и вид потеряли, / Так, что, изгнанны с рая, если б кто им дати / Мог зеркало, чуть себя могли бы узнати. / Мы же, которы из них род свой весь изводим, / Их любопытством на них, бедные, походим...» [С. 405].

Подведем итог. Во второй части дилогии, посвященной ономастикону сатир, мы рассмотрели некоторые мифологические, исторические и библейские имена, чтобы понять, какова их роль в общем художественном замысле. На наш взгляд, основных функций мифологического и исторического кода в ономастике сатир три.

1. Чисто просветительская. В примечаниях он дает подробнейшие описания вводимых им реалий и имен. Сегодня его объяснения, кто такая Венера и кто такой Аполлон, могут показаться хрестоматийными и излишними, но нельзя забывать о времени создания сатир и о том, что Кантемир был одним из первых, кто вводил греко-римский пантеон в культурный обиход русской поэзии.

2. Иллюстративная. Каждое имя важно не только само по себе, но главным образом — как аргумент из фонда готового слова для усиления позиции одной из основных конфликтующих сторон (условно обозначенных как Старое и Новое). Кроме того, использование разных мифологических и исторических имен для подтверждения сходных тезисов служит принципу разнообразия — одному из главных в сатирах.

3. Риторическая. Механизмом создания иронического эффекта в сатирах является «снижающее» сравнение, или «посрамление образца». В роли преодоленных образцов, как правило, выступают мифологические и исторические персонажи. Это способствует созданию иронического тона — главного в сатирах. В редких случаях создания хвалебных стихов Кантемир тоже не обходится без мифологических имен.

Все эти имена составляют большой раздел в универсальном фонде готового слова, и Кантемир показывает, какие возможности открывает умелое пользование этими богатствами. Эти группы имен активно привлекаются Кантемиром и в дидактических целях.

Таким образом, мифологические, исторические и библейские имена представляют собой стройную систему, тесно связанную с системами других уровней единого текста сатир, служащую для реализации авторского замысла. Принципы использования мифологических и исторических имен, заданные в сатирах, оказались востребованы последующей русской поэзией.

Литература.

1. *Довгий О.Л.* Система имен в сатирах А.Д. Кантемира // Русская речь. 2018. № 4.
2. *Кантемир А.Д.* Собрание стихотворений / Вступит. статья Ф.Я. Приймы; Подгот. текста и примеч. З.И. Гершковича. Изд. 2-е. Л., 1956. Далее в скобках указ. только стр.
3. *Довгий О.Л.* «Диалог» текстов А.Д. Кантемира о вине // Русская речь. 2011. № 6. С. 11–14.
4. *Щеглов Ю.К.* Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб., 2004.
5. *Жуковский В.А.* Собр. соч. В 4 т. М., 1960. Т. 4. С. 447.
6. *Довгий О.Л.* Оппозиция «Края / середина в сатирах А.Д. Кантемира» // Известия ОЛЯ. 2018. №1. С 53.

МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ